

Такой исход неизбежно вызывает гнев и чувство несправедливости у любого, кто обладает хотя бы каплей человечности. Тем более когда речь идёт о живых проявлениях жадности, гнева, привязанности и обиды, которые легко пробуждают чувство принадлежности. Прежде чем пожертвовать собой, эти мечники тоже имели свои радости и печали, свою жизнь. Они были всего лишь маленькими личностями, которым вовсе не обязательно было становиться героями.

Злодеяния Секты Бескрайнего Меча особенно запомнились, что лишь подчёркивает их благородство. Такие традиции не зря остаются в памяти потомков даже спустя тысячелетия.

Лу Нинчу снова взял книгу, в которой были записаны прошлые события, и, перевернув страницу на начало истории Маленького Почтенного Меча, застыл в задумчивости.

Он уже рассказал Лу Цинъюэ о своём Искусстве управления мечом. Когда и кому из учеников его обучать, теперь решал сам Лу Цинъюэ.

Для него же самое важное сейчас — как можно быстрее повысить уровень своей практики. Все его прошлые достижения и постижения Пути меча сохранились, и единственное, чего ему не хватало, — это уровня мастерства. Не говоря уже о возрождении секты, он сам уже стоял на острие ножа. После битвы в Городе Цзинь желающих убить его, вероятно, стало ещё больше.

Но сейчас он вдруг почувствовал тоску по Лун Юаню.

Как и раньше, когда он не знал дня рождения Лун Юаня, в прошлой жизни он также не спрашивал о его прошлом.

Духовный бумажный журавлик доставил его мысли и вопросы, и Лун Юань быстро ответил.

— Конечно, скучаю, — голос Лун Юаня звучал с лёгкой долей смирения, сначала ответив на вопрос Лу Нинчу: «Ты скучаешь по мне?»

Затем он продолжил:

— Я сам не знаю, как родился. У меня нет воспоминаний о том, как вылупился, помню только, что, когда обрёл сознание, уже находился в Кровавом море Футу. Что касается последующих событий, всё сводилось к тому, что демонические культиваторы, обнаружив, что я из Клана драконов, пытались поймать меня. Я убивал их, они стали бояться, после чего я стал Владыкой Демонов. Почему ты вдруг спросил об этом?

Хотя Клан драконов исчез задолго до того, как прошли десятки тысяч лет, их сила и то, что их тела были настоящей сокровищницей, заставили человечество помнить о них, и записи о драконах, естественно, были весьма подробными. В записях говорилось, что драконы рождаются с врождённой духовной связью, обладая сознанием ещё в яйце.

Лун Юань сказал, что у него нет воспоминаний о том, как он вылупился, что было несколько

странно.

Лу Нинчу вспомнил слова Лу Цинъюэ о «скоплении злых мыслей призрачных демонов» и почувствовал неловкость.

— Я слышал, как люди спорили, являешься ли ты реинкарнацией демона или воплощением обиды Кровавого моря, и мне стало любопытно, — хотя он полностью доверял Лун Юаню, Лу Цинъюэ явно не хотел, чтобы другие знали о делах Секты Бескрайнего Меча, и он должен был уважать своего учителя.

Духовных бумажных журавликов было ограниченное количество, и каждого из них нельзя было тратить впустую. Лу Нинчу спросил ещё:

— Ты говорил, что Цинсюэ был получен из Кровавого моря Футу. Есть ли там ещё какие-то сокровища?

Лу Нинчу задал этот вопрос просто так, чтобы избежать подозрений Лун Юаня. Ведь после гибели множества культиваторов в Кровавом море Футу сокровищ там должно было быть предостаточно. Этот вопрос был практически бессмысленным.

Однако ответ Лун Юаня оказался неожиданным.

— Нет, кроме меня и Цинсюэ, в Кровавом море Футу есть только бескрайняя кровь, — Лун Юань, похоже, неправильно понял намерения Лу Нинчу и с лёгкой долей снисхождения спросил:

— Тебе не хватает духовных камней?

Лу Нинчу был ошеломлён.

Только Лун Юань и Цинсюэ? Значит, всё остальное было уничтожено?

Он невольно вызвал Цинсюэ.

Цинсюэ дрожал от радости, и Лу Нинчу чувствовал тепло, но в то же время его охватило странное чувство.

Почему сохранился только Цинсюэ? Кровавое море Футу простиралось на сотни ли, что свидетельствовало о том, сколь многочисленны были культиваторы, преследовавшие Маленького Почтенного Меча. Среди такого количества людей наверняка должно было быть что-то, сравнимое с Цинсюэ.

Размышляя об этом, он пришёл к выводу, что, вероятно, Маленький Почтенный Меч выпустил древний массив, запечатанный в свитке, а Цинсюэ был тесно связан с ним, поэтому древний массив пощадил его.

Но в таком случае происхождение Лун Юаня становилось ещё более загадочным.

Слюна Лун Юаня могла лечить раны, его плоть и кровь — возвращать к жизни, и даже такие вещи могли способствовать росту мастерства, что полностью соответствовало описанию драконов как «сокровищницы». К тому же он с рождения мог управлять облаками и дождём, что указывало на то, что он был истинным драконом.

Массив Кровавого моря Футу с момента своего запуска находился в закрытом состоянии, и те, кто был внутри, не могли выйти, а те, кто снаружи, не могли войти. Лишь после появления Лун Юаня барьер, созданный массивом, наконец исчез. Если Лун Юань не был воплощением злых мыслей, то он должен был находиться в массиве с самого начала. Какие же у него были отношения с Маленьким Почтенным Мечом, что его не уничтожили?

Лу Нинчу не мог понять, и ему казалось, что всё это не сходится.

В книгах также не было записей о том, что рядом с Маленьким Почтенным Мечом был дракон или что среди преследовавших его был дракон.

Хотя это было десятки тысяч лет назад, но уже тогда, как и сейчас, всё, что было связано с драконами, могло быть продано за огромные деньги. Если бы появился настоящий дракон, он не мог бы остаться незамеченным. Если предположить, что Маленький Почтенный Меч получил драконье яйцо, но не знал об этом, это могло бы объяснить отсутствие записей.

Но если Маленький Почтенный Меч не знал и не ценил его, то почему драконье яйцо смогло сохраниться в Кровавом море Футу на протяжении десятков тысяч лет, не будучи уничтоженным? Драконье яйцо — это всего лишь эмбрион, и в хрупком состоянии любой культиватор с достаточными способностями мог бы уничтожить его жизненную силу. То, что оно сохранилось в Кровавом море Футу, было совершенно необъяснимо.

Лу Нинчу крутил эти мысли в голове, пока у него не закружилась голова.

Лун Юань снова написал:

— Что, я угадал, и тебе неудобно?

Лу Нинчу на мгновение задумался, прежде чем вспомнить, о чём говорит Лун Юань, и быстро ответил:

— Как я могу испытывать недостаток в духовных камнях? Кроме того, разве твоё — не моё? Мне нечего стесняться перед тобой.

Лун Юань не стал отрицать этот наглый ответ Лу Нинчу, лишь рассмеялся:

— Тогда это опять чьи-то слухи?

Лу Нинчу фыркнул и, временно отбросив неразрешимые вопросы, начал капризничать:

— Ты опять тратишь моих журавликов...

*

У Лу Нинчу временно не было возможности встретиться с Лун Юанем. Хотя он и не полностью отказывался выходить за пределы горы, большую часть времени он находился в окрестностях Высшего Небесного Дворца, выполняя мелкие задачи, которые можно было завершить за несколько дней. Высший Небесный Дворец находился в самом сердце праведного пути, далеко от границы между двумя путями.

Расстояние было велико, а время коротко, и Лу Нинчу не хотел, чтобы Лун Юань проделывал такой долгий путь ради него.

Таким образом, он снова оказался в ситуации, как перед поездкой в Город Цзинь, когда мог полагаться только на бумажных журавликов, чтобы утолить свою тоску.

В этот день, закончив рассказывать Лун Юаню о своей тоске, Лу Нинчу был в хорошем настроении, так как тот становился всё лучше в утешении. Он собирался отправиться в Зал Мечника, чтобы найти Лу Циньюэ, но увидел, как внешний ученик Фан Ло спешит к нему.

— Старший брат Лу! Старший брат Дунфан Юй из Небес Алого Солнца пришёл к тебе и сейчас направляется сюда!

Лу Нинчу поднял бровь и спросил:

— Зачем он ко мне пришёл?

Фан Ло, запыхавшись от бега, сделал пару вдохов, прежде чем продолжить:

— Он говорит, что хочет поблагодарить тебя и пригласить на обед.

— Поблагодарить меня? — Лу Нинчу усмехнулся. — За что он меня благодарит?

Он знал, что замышляет Дунфан Юй, и знал, что это был подлый человек, поэтому в его сердце было лишь презрение и отвращение.

Внешние ученики, у которых не хватало таланта и ресурсов, считали руководство внутренних

учеников удачей, тем более что Лу Нинчу был учеником главы секты и был щедр. С тех пор, как его однажды привлекли к выполнению задания, Фан Ло стал верным последователем Лу Нинчу.

Он знал, что Лу Нинчу не очень любил учеников из других небес, и поспешил добавить:

— Старший брат Дунфан недавно принёс три сокровища из Духовного Царства Ткущихся Грёз, и глава секты отметил его большой заслугой, наградив его Тыквой Небесного Огня. После того как он подчинил себе Тыкву Небесного Огня, он сказал, что эта возможность появилась благодаря тебе, и хочет поблагодарить тебя за помощь в подземном лабиринте.

Лу Нинчу ответил:

— Разве ты не сказал ему, что я занят практикой и не могу принимать гостей?

После последнего посещения Духовного Царства Ткущихся Грёз в Скорбные Небеса стало приходить множество учеников из других небес, либо с визитами, либо «случайно забредших». Было очевидно, ради кого они приходили, и у Лу Нинчу не было терпения разбираться с каждым из них, поэтому он заранее предупредил Фан Ло, чтобы тот отказывал им, ссылаясь на практику.

Скорбные Небеса были презираемы, а внешние ученики Скорбных Небес — тем более. Фан Ло также не любил учеников из других небес, особенно из Небес Алого Солнца. Он с отвращением добавил:

— Я сказал. Но он настаивает на том, чтобы дождаться тебя, и сейчас сидит в боковом зале Зала Мечника, не желая уходить.

Лу Нинчу слегка нахмурился, похлопал Фан Ло по голове и сказал:

— Ладно, я схожу туда, а ты займись своими делами.

С этими словами он сделал шаг.

Но Фан Ло последовал за ним, с беспокойством сказав:

— Старший брат, я пойду с тобой.

В возрасте четырнадцати-пятнадцати лет, хотя он ещё не совсем понимал любовные дела, он уже мог видеть, что большинство тех, кто приходил, имели скрытые намерения по отношению к Лу Нинчу.

<http://bllate.org/book/15302/1350296>